

Закрыв дверь, глухие, похожие на скрежет тупого ножа по барабанным перепонкам звуки почти стихли — эта комната обладала отличной звукоизоляцией.

Лю Сюнь сжался в углу дивана, его сердце колотилось в груди, словно боевой барабан, болезненно ударяя при каждом толчке.

Эти твари — зомби, в точности такие же, как в фильмах.

Серая, мертвенно-бледная кожа, мутные глазные яблоки, а из пастей доносятся невнятные хрипы, то ли от голода, то ли от ярости.

Конец света наступил вот так, без малейшего предупреждения, без знамений в небе, без новостных сводок — словно кто-то небрежно нажал кнопку самоуничтожения мира.

— Сестрица, ты в порядке? — Лю Сюнь повернул голову и посмотрел на Лу Ханьшу, которая без сил раскинулась на другом конце дивана.

В тусклом свете лампы лицо Лу Ханьшу казалось добела прозрачным.

Лу Ханьшу, двадцать восемь лет, пышная фигура, мягкие черты лица; хотя она до сих пор была не замужем, во всех отношениях она выглядела изнеженной барышней.

А Лю Сюня Лу Ханьшу в свое время подобрала.

Но сейчас она сжалась на диване, на висках проступили мелкие капельки пота, а дыхание было таким частым, будто она только что пробежала марафон.

Если бы не сестрица, Лю Сюнь давно погиб бы где-нибудь на дороге.

Он отчетливо помнил, как во время вспышки эпидемии зомби Лу Ханьшу рывком затащила его в подъезд и разрубила пожарным топором двух бросившихся на них мертвецов.

Женская сила оказалась поразительной — это был мир матриархата, где мужская физическая выносливость от природы развита слабо, и если бы не защита сестрицы, его тело ни за что не продержалось бы до сих пор.

— Сяо Сюнь, мне так жарко, — Лу Ханьшу подняла голову, ее глаза были налиты кровью, а в глубине зрачков что-то бурлило.

Сердце Лю Сюня сжалось, он торопливо подполз ближе:

— Сестрица, сестрица, что с тобой?!

Он протянул руку, желая коснуться ее лба, но стоило кончикам пальцев соприкоснуться с кожей, как его отдернуло от обжигающего жара — это определенно был не обычный жар.

Лу Ханьшу внезапно схватила его за руку. Хватка оказалась невероятно сильной, пять пальцев впились в его плоть, словно железные тиски, и Лю Сюнь от боли шумно втянул воздух.

Не успел он опомниться, как Лу Ханьшу резко дернула его, и он целиком рухнул в ее раскаленные объятия.

Лицо Лю Сюня прижалось к ее впадине на шее, там пылало так, будто все обожгло огнем.

Он чувствовал, как ее сердце бьется с неестественной частотой, тело слегка подрагивало, словно внутри нее бушевало нечто неукротимое.

Боль в сердце перевесила страх, он поднял руку, пытаясь оттолкнуть ее хоть немного, чтобы разглядеть ее состояние...

Лу Ханьшу неожиданно наклонилась к самому его уху. Обжигающее дыхание выдохнуло на ушную раковину, источая странный, палящий жар, от которого Лю Сюня прошибла дрожь, и дыбом встали все волоски на теле.

— Сестрица? — его голос напрягся.

— Кажется... меня укусил зомби, — голос Лу Ханьшу звучал хрипло, словно она что-то подавляла. — Перед этим, Сяо Сюнь... можешь позволить мне познать радость женщины?

Зрачки Лю Сюня резко сузились.

Он даже не успел произнести ни слова, как Лу Ханьшу резко рванулась вперед, и в мгновение ока он уже оказался прижат к дивану.

Затылок глухо ударился о подлокотник, в глазах потемнело.

В мире матриархата мужчины от природы куда слабее женщин, тем более что Лу Ханьшу сейчас находилась в состоянии какой-то ненормальной возбужденности.

Лю Сюнь попытался сопротивляться, но стоило его рукам упереться ей в плечи, как она без малейших усилий прижала их над его головой, лишив возможности пошевелиться.

— Сестрица, сестрица, ты не можешь... — его голос сорвался на фальцет.

Лу Ханьшу смотрела на него сверху вниз, и в ее налитых кровью глазах бушевали эмоции, каких он никогда прежде не видел. Она вдруг скривила губы в улыбке и произнесла нечто бессвязное:

— А ты тоже вырос.

Затем она склонилась к нему.

Поцелуи посыпались градом — плотные и обжигающие: в лоб, межбровье, переносицу, щеки, подбородок, опускаясь всё ниже к шее.

Губы Лу Ханьшу были сухими и горячими, и каждое их касание оставляло на коже след, словно клеймо.

Хрусь!

Звук рвущейся ткани прозвучал в тишине комнаты пронзительно громко.

Лю Сюнь почувствовал холод в груди — его одежда уже превратилась в два клочка ткани, висевших на локтях, а гладкая грудь обнажилась перед самым его лицом.

Лу Ханьшу выпрямилась и опустила взгляд на него.

Ее глаза скользнули от линий его ключиц к животу, гортань нервно дернулась, сглотнув слюну.

— Я буду нежной, — ее голос осип до неузнаваемости.

— Сестрица, у меня вообще-то есть жена! — почти выкрикнул Лю Сюнь. — Забыла?! Ты же сама ее видела — Е Юньчжи!

Лу Ханьшу на мгновение замерла, в ее глазах на секунду мелькнуло осознание, но тут же снова утогло в пелене хаоса.

Она склонила голову набок, словно всерьез обдумывая этот вопрос.

— Конечно знаю, — неторопливо протянула она. — А у вас что-то было?

Лю Сюнь крепко стиснул зубы:

— Да.

— Вот как, — Лу Ханьшу усмехнулась, и в этой улыбке сквозило что-то такое, от чего у Лю Сюня по спине побежали мурашки. — Тогда я не буду нежной.

Следующее утро.

Небо оставалось пасмурным, словно после конца света солнце уже не могло светить по-прежнему.

Шторы были задернуты не до конца, и сквозь щель пробивалась сероватая полоска света, безжизненно ложась на потолок.

Лю Сюнь медленно открыл глаза.

Его взору предстала мягкая кожа и вздымающаяся грудь Лу Ханьшу.

Он лежал, пристроившись у нее подмышкой, прижавшись лицом к ее ключице, и в нос вплетался весь ее неповторимый запах: аромат пота, тепла тела и какое-то неопишное, смутное послевкусие недавней близости.

— Проснулся? — раздался над головой ленивый голос с нотками улыбки. — Сяо Сюнь просто молодец, до сих пор такой крепкий.

Лю Сюнь оцепенел всем телом — только теперь он сообразил, что между ними не было никаких преград, их тела по-прежнему тесно прижимались друг к другу, и он даже ощущал вибрацию ее грудной клетки.

Глаза защипало, и слезы безо всякого предупреждения покатались по щекам.

У него сохранились воспоминания из прошлой жизни, и в самом начале своего перерождения в этот матриархатный мир он тоже подумывал о гаремах и сборе красавиц, но потом повстречал Е Юньчжи — ту самую девушку с лучистыми, полумесяцами глазами, и твердо решил ступить на путь чистой любви, всецело посвятив себя одной-единственной.

Он с таким трудом добрался до сегодняшнего дня, с таким трудом обрел то, что хотел защищать, так почему же на его долю выпало именно это?

Слезы капали все чаще, но он изо всех сил закусил губу, отказываясь издать хоть звук.

— Ма... — тихонько позвал он, голос звучал хрипло и почти беззвучно. Это было обращение,

которым он уже давно не пользовался; хотя раньше Лу Ханьшу сама запрещала называть ее матерью, определенные чувства к ней у него имелись, но все же не до такой степени, пусть даже это и был мир матриархата.

Тело Лу Ханьшу судорожно задрожало, словно от удара током, она резко опустила голову на прижатого к груди юношу, и взгляд ее был настолько сложным, будто она собиралась рассыпаться на куски:

— Как ты меня назвал?

— Ма... — Лю Сюнь поднял голову, сквозь пелену слез пытаясь что-то сказать.

Лу Ханьшу не дала ему договорить.

Спустя час.

Лу Ханьшу безвольной лужицей раскинулась на Лю Сюне, сплошное воплощение испарины, волосы липли к щекам.

Они по-прежнему оставались тесно соединены, и она чувствовала, что он все еще не угас, но у нее не осталось сил даже на то, чтобы пошевелить пальцем.

— Всё такая же... Но сестрица правда больше не может, — обессиленно выдохнула она, прижимаясь губами к его плечу, а голос ее звучал глухо.

Лю Сюнь лежал навзничь, слезы уже высохли, и на лице осталась лишь глухая отрешенность.

Спустя пару секунд в нем откуда-то вдруг вспыхнула новая волна сил, он резко перевернулся и прижал Лу Ханьшу к дивану.

— Раз уж тебе хочется? — его голос дрожал, а глаза покраснели. — Я дам тебе это!

Лу Ханьшу широко раскрыла глаза, и на ее безупречном лице наконец промелькнула тень паники:

— Нет-нет-нет... Сестрица же... —

Три часа спустя.

Лю Сюнь лежал поверх Лу Ханьшу, уткнувшись лицом ей в шею, и горько рыдал навзрыд.

— У-у-у... Зачем ты так со мной... — его голос был сбивчивым и обиженным, словно у обиженного ребенка.

Лу Ханьшу подняла руку и неловко похлопала его по спине, чувствуя себя виноватой. Лишь спустя долгое время она заговорила, и голос все еще хранил характерную послеактную хриплость:

— Эм... Ситуация была особенная. Меня ведь и правда поцарапал зомби, в голове немного помутилось... — она запнулась, словно подбирая формулировки. — Кхм, поддаюсь сиюминутному порыву.

Плач Лю Сюня оборвался.

Он поднял голову и долго-долго смотрел на мягкое и невинное лицо Лу Ханьшу своими покрасневшими, опухшими глазами.

Наконец он тяжело вздохнул, будто выдыхая из груди все оставшиеся силы.

— Будем считать это сном, — произнес он, приподнимаясь, чтобы соскользнуть с ее раскаленного тела.

— А вот и нет.

Две длинные и сильные ноги внезапно захлестнулись с боков, словно замок, обхватив его за талию и намертво зафиксировав на месте.

Лю Сюнь опустил взгляд: ноги Лу Ханьшу были сплетены намертво, и отпускать его она явно не собиралась.

— Ты уже мой человек, — тон Лу Ханьшу внезапно изменился: за ленивой улыбкой проступила непреклонная, не допускающая возражений упрямость. — Я ведь столько времени тебя растила, а персик сорвал этот ублюдок Е Юньчжи. Теперь ты снова вернулся ко мне... — она замолчала, и в глубине ее глаз что-то блеснуло. — Как я могу тебя отпустить?

Лю Сюнь приоткрыл рот, не зная, что ответить.

— У тебя есть два выбора, — ноги Лу Ханьшу сжались чуть сильнее, словно подчеркивая весомость слов. — Убираешься прочь, а я накладываю на себя руки. Либо принимаешь всё как есть.

Ее голос звучал так легко и небрежно, будто она рассуждала о погоде, но Лю Сюнь слишком хорошо ее знал — эта женщина никогда не лгала и не шутила.

Сказав это, она медленно разжала ноги, будто полностью возвращая право выбора в его руки.

Лю Сюнь не шелохнулся.

В комнате долго стояла тишина.

Снаружи вновь донесся невнятный хрип зомби, напоминающий древний, скорбный плач.

— Сестрица, зачем ты это делаешь... — голос Лю Сюня был едва слышен. — То, что мы творим — это неправильно.

— Ладно, тогда уходи, — тон Лу Ханьшу был ровным, как стоячая вода.

— Но ведь ты...

— Я слов на ветер не бросаю, — она смотрела на потолок, а на ее губах даже играла легкая улыбка. — Ты же меня знаешь.

Лю Сюнь долго молчал.

Затем он медленно склонился, зарывшись лицом в теплое углубление шеи Лу Ханьшу, обрушив на нее всю тяжесть своего тела, и завел руки ей за пояс, крепко обхватив, словно утопающий, ухватившийся за последнюю соломинку.

Уголки губ Лу Ханьшу медленно поползли вверх, расширяя изгиб, пока не превратились в довольную улыбку.

Она подняла руку, бережно обняв его за спину, и ладонью, прижатой к его чуть вспотевшей коже, принялась мерно похлопывать.

— Вот это мой хороший младший брат, — тихонько прошептала она ему на ухо невероятно нежным голосом.

<http://bllate.org/book/19345/1891837>